

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (2)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

⁵ Ригведа, Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой. М., "Наука", 1972, с.36-37.

Г.Г.Свиридов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ "ХОССИНСЮ"
("СОБРАНИЕ О ДУХОВНОМ ПРОЗРЕНИИ", ЯПОНИЯ, XIII в.)

"Хоссинсю" написано знаменитым писателем Камо-но Тэмэй (1153-1216), известным прежде всего как автор шедевра классической японской литературы - "Ходзэки" ("Записки из кельи", 1212 г.). Как нередко случается, слава "Ходзэки" бросает на остальное творчество Камо-но Тэмэй не свой отблеск, но свою тень, и авторитет "Хоссинсю" как историко-литературного явления не идет ни в какое сравнение с высоким престижем "Записок из кельи". Между тем, "Собрание о духовном прозрении" - важная веха как в истории японской литературы, так и в творчестве Камо-но Тэмэй.

Согласно "Ходзэки", Камо-но Тэмэй хранил в своей травяной хижине рисованное изображение будды Амида и лик бодхисаттвы Фугэн. А перед ними лежала Лotosовая сутра. Здесь же Тэмэй держал в черном кожаном футляре любимые стихотворения танка, ноты ритуальной музыки гагаку и буддийское сочинений "Одзэ ёсю" ("Необходимое собрание о возрождении в Чистой Земле", сост. монах Гэнсин в 985 г.) Эта обстановка типична для обители подвижника, исповедующего учение Чистой Земли в ранней интерпретации школы Тэндай. Изображение будды Амида было главным ритуальным предметом при ежевечерних церемониях "нэмбуцу" - воздании хвалы будде Амида, властителю Чистой Земли. Бодхисаттва Фугэн играл главную роль в церемонии "Хоккэ сэмбо", посвященной Лotosовой сутре. Скорее всего, Тэмэй неукоснительно отправлял все эти ритуалы.

Ритуальная практика Тэмэй обличала в нем приверженца учения Гэнсина (942-1017), автора упомянутого трактата "Одзэ ёсю". Приверженность Тэмэй к учению Гэнсина особо примечательна потому, что сам Тэмэй был современником Хонэна, автора новой модификации учения о Чистой Земле. Вряд ли можно однозначно объяснить "традиционалистские" взгляды Тэмэй, которые отчетливо

проявляются в "Предисловии" к "Хоссинсю". Сам стиль предисловия, его риторика находятся под прямым влиянием "Одзё ёсю". Но сходство риторических приемов — лишь внешний признак глубокого идейного влияния Гэнсина на Тёмэй. Доказательством этого влияния служат многочисленные нравоучения, присовокупленные автором "Хоссинсю" к различным рассказам памятника, нравоучения, основанные на сентенциях из "Одзё ёсю".

Восемь свитков "Собрания о духовном прозрении" состоят из 102 историй, повествующих о японских буддийских монахах. По своему составу "Хоссинсю" относится к богатой традиции сборников буддийских легенд, которые создавались в Японии десятками и до написания "Хоссинсю". "Хоссинсю" нередко рассматривается просто как звено в ряду буддийских житий или их собраний — таких, как "Хонтё хоккэ гэнки" ("Жития японских ревнителей Лотосовой сутры", сост. монах Тингэн в 1040–1043 гг.) или "Нихон одзё гокураку ки" ("Жития японских праведников, переродившихся в Земле Крайней Радости", сост. Ёсисигэ-но Ясутанэ в 983–984 гг.). Конечно, и в "Хоссинсю" речь идет, по существу, о тех же (в жанровом отношении) житиях праведников, о том же воплощении буддийского канона или даже — собственно о канонизации нового для буддийской религии японского национального материала. В плане традиции жанра весьма уместно и плодотворно рассматривать состав "Хоссинсю" в русле литературной истории японского буддийского жития. Но концептуально, как единая мировоззренческая система, памятник не в меньшей мере перекликается с тем явлением в современной ему японской литературе, который можно обозначить как зрелая проза Сэцува. Произведениями, возвестившими о наступлении периода зрелой прозы Сэцува, стали "Кондзяку моногатари сю" ("Собрание повестей о ныне уже миновшем", XII в.) и "Удзи сии моногатари" ("Повествование, собранное в Удзи", XIII в.).

Для зрелой прозы Сэцува, в отличие от ранней, характерно глубоко опосредованное выражение авторской философской концепции, поэтому в Сэцува столь большую роль играют ассоциации, переклички, намеки. Если в ранней прозе Сэцува, начиная с "Нихон рёнки" ("Удивительные записи о японских духах", IX в.), важное значение имеет категоричное прямое высказывание, в том числе и авторское, то в зрелой — по мере ее развития — авторское высказывание уходит в подтекст. Так, например, сопоставление вариантов текста в "Кондзяку" и "Удзи сии" говорит о том, что в более позднем "Удзи сии" авторский комментарий (состоящий,

главным образом, из правоучительных сентенций) часто сокращается или исчезает вовсе. Авторская концепция обретает глущину и многозначность, и очевидная тенденциозность в подаче материала смягчается.

Камо-но Тёмэй не мог не знать крупнейшие произведения прозы Сэцува, и его "Хоссинсю", без сомнения, результат знакомства с этой прозой, результат увлечения этой по-своему очень изысканной литературной формой. Для прозы Сэцува характерен ряд эстетических приемов, вне которых этот вид литературы не может существовать (принципы интертекстуальности, дискурсивности, кляше).¹ В работе над "Хоссинсю" опирался на эти принципы и Камо-но Тёмэй. Способ отбора материала из "мира сэцува" и аранжировка этого материала у Тёмэя созвучны художественному методу "Кондзяку" и "Удзисюи". Свою художественную позицию Тёмэй подробно излагает в "Предисловии" к "Хоссинсю". Тёмэй берет из "мира сэцува" только национальный японский материал, начисто отвергая индийские и китайские сюжеты, что свидетельствует о принципиальном изменении в идеологической концепции Сэцува по сравнению с "Кондзяку", где есть особые индийские и китайские разделы. Собственно говоря, даже в "Удзи сюи" индийские и китайские сюжеты включены в состав памятника, играя в нем важную идеологическую роль. Равным образом Тёмэй декларирует свой отказ от легенд об "иноземных" буддах и бодхисаттвах.

Идеологические перемены сопровождаются и сдвигами в области литературной формы. Автор объявляет, что берет в свое произведение только те истории, которые "легко воспринимаются на слух", отдавая исключительное предпочтение тем, которые слышал сам. Тёмэй усматривает в устной традиции некие достоинства, которых лишена письменная литература. Из этого, естественно, вытекает скрытая полемика Тёмэй с распространенным в его времена литературно-эстетическим принципом, гласящим: "Люди древности были изысканны душой, и слова у них лились складно. А ныне — хорошо, если удастся связать кое-как слово со словом" (Собрание сэцува "Канкё-но томо" — "Друг уединения", автор точно не установлен, время создания до 1222 г.) Тёмэй же, напротив, в "Хоссинсю" старается избежать литературных выражений, изысканных оборотов, но бережно сохраняет прозаизмы, жаргон. Его задача состоит в том, чтобы сохранить устный стиль, сказовую манеру и донести ее до читателей.

Прежде чем объяснить, почему он избрал прозу Сэцува для воплощения своего замысла, Тёмэй формулирует свои основные нравственные принципы, которые зиждятся на понимании того, что "каждое мгновение своей жизни человек совершает дурное". Единственный путь к спасению, по мнению Тёмэй - это истовая молитва о возрождении в Чистой Земле. Еще один принцип Тёмэй - понимание ординарности, слабости и неустойчивости человеческой души, основанное, как он сам говорит, на знании собственной природы. Немалую роль в литературной и философской концепции Тёмэй играет его понимание зыбкости наставлений и нравочучений, борьба с ограниченностью догматического буддизма.

Идеологическое содержание "Хоссинсю" - это своеобразная реакция на развитие буддизма, в том числе на буддизм Чистой Земли в интерпретации Хонэна. Если бы Тёмэй избрал в качестве ориентира учение Хонэна, его бы сочли пропагандистом нового учения. Мысль же Тёмэя была в другом. Он считал, видимо, что ни старая, ни новая доктрина сама по себе не может вести к благим целям. Отказ от прямолинейной декларативности, убеждение жизненным примером - вот нравственный принцип проповеди Тёмэя. Наилучшим средством на этом пути могла стать сэцува. Метод Тёмэя, примененный им в "Хоссинсю" - это, по его словам, "воспитание сознания" с помощью сэцува.

^I См. Г.Г.Свиридов, О механизме художественного воздействия сэцува. - В сб. III и ШИКНВ, XIII. М., 1977, с.142-145.